

дие возмездия», как топор в романе «Преступление и наказание». Об этом топор думал и автор романа, описывая сцену убийства Платоновым доносчика Зарецкого: «Пока шел вдоль Ждановки, ощупывал статуэтку за пазухой, и была она холодной, как топор». Чтобы укрепить свою решимость осуществить задуманное, герой Водолазкина, как и герой Достоевского, думает о тех бедах, которые Зарецкий принес и еще может принести окружающим. Таким образом, в конце романа мы вновь возвращаемся к Федору Михайловичу, который, несомненно, оказал большое воздействие на писателя.

Подобных литературных аллюзий в «Авиаторе» содержится множество, и читатель, если он любит головоломки, может к ним обратиться. И все же основным достоинством книги Евгения Водолазкина является не игра, а попытка взглянуть на переломные для страны события прошлого глазами их современника, сопоставив свою позицию с точкой зрения тех, кто принимал в них непосредственное участие.

Продолжение следует

Поиски и находки

Владимир ЧИСНИКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ А. И. КУПРИНА И В. А. ДАНИЛОВА О ВСТРЕЧЕ С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

«Св. Николай» или «В. К. Алексей»?

12 октября 1908 года в Санкт-Петербурге, в просторном зале Тенишевского коммерческого училища, расположенного по улице Моховой в доме 33/35, состоялось торжественное собрание, посвященное 80-летию Л. Н. Толстого. Среди присутствующих был известный писатель А. И. Куприн, который свое выступление начал несколько необычно:

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году в городе Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук (1984), доцент, полковник милиции в отставке, ныне ведущий научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), член зарубежной секции редакционного совета журнала «Оперативник (сыщик)» (Москва). Проживает в г. Бровары Киевской области. Автор, соавтор, составитель и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений и Международных Толстовских конгрессов. Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (Санкт-Петербург), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва) и др.

— Не так давно, — сказал он, — я имел счастье говорить с человеком, который в раннем детстве видел... Пушкина.

Услышав такое начало, некоторые из присутствующих в зале с недоумением подумали: «А не перепутал ли докладчик юбиляров?»

Однако Александр Иванович вскоре пояснил свою мысль, заявив, что «пройдет лет пятьдесят-шестьдесят, и на тех людей, которые видели Толстого при его жизни (да продлит бог его дни!), будут также глядеть как на чудо»¹.

Далее писатель поделился своими воспоминаниями о встрече с Львом Николаевичем, которая состоялась несколько лет назад в Крыму.

Действительно, 25 июня 1902 года Л. Н. Толстой, находившийся на лечении в Крыму почти десять месяцев, вместе с семьей уезжал на пароходе из Ялты в Севастополь, чтобы затем на поезде отправиться в Ясную Поляну. В Ялте состоялось знакомство Льва Николаевича с молодым, тогда еще начинающим писателем А. И. Куприным, который впоследствии посвятил этому событию прекрасную миниатюру — очерк-воспоминание «О том, как я видел Толстого на пароходе „Св. Николай“, впервые опубликованный в ноябрьском (1908 г.) номере журнала «Современный мир».

Уместно будет сказать, что очерк произвел в Ясной Поляне приятное впечатление. 12 ноября 1908 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Сегодня получен журнал «Современный мир» (ноябрь) с очерком Куприна о Толстом, о свидании с ним на пароходе в Ялте. Трогательно в нем описано, как простой народ, не знающий Л. Н., расступался перед ним, давая ему место, а признание Куприна — он высоко ценит, что живет в одно время с Л. Н.»² Заметим, что судя по записи доктора, каких-либо замечаний по поводу названия парохода ни Лев Николаевич, ни Софья Андреевна не высказывали.

Благодаря Куприну имя парохода, доставившего на своем борту Льва Толстого в Севастополь, стало в литературе хрестоматийным и ни у кого из литературоведов сомнений не вызывало. «Святой Николай» переключал на страницы не только многочисленных статей, но и солидных монографий, посвященных Толстому и Куприну. Так, например, известный писатель и литературовед В. Б. Шкловский в книге «Лев Толстой» пишет: «...25 июня Лев Николаевич решил возвращаться в Ясную Поляну. До Севастополя ехал он пароходом для того, чтобы избежать тряски. На пароходе „Святой Николай“ встретил его Куприн»³. Другой автор, М. И. Выгон, в книге «Крымские страницы жизни и творчества Л. Н. Толстого» также утверждает, что «25 июня семья Толстого приехала в Ялту, чтобы на пароходе „Св. Николай“ отплыть на Севастополь»⁴. Подобных примеров можно привести множество.

Очерк Куприна был мне хорошо известен, и поэтому я очень удивился, когда в дневнике С. А. Толстой наткнулся на следующие строки: «27 июня (1902 г.) Ясная Поляна. Сегодня приехали из Крыма. Ехали до Ялты на лошадях... В Ялте сели на пароход „Алексей“. Дамы, букеты, проводы...»⁵

Странно: Куприн пишет «Св. Николай», а Толстая — «Алексей». Кто же из них прав?

Заметим, что секретарь и биограф Толстого Н. Н. Гусев в «Летописи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого» указывает: «Июнь 25 [1902 г]. Отъезд Толстых из Гаспры в Ясную Поляну. В Ялте с Толстым/ знакомится А. И. Куприн. Переезд из Ялты в Севастополь на пароходе». Далее биограф дает ссылку на еже-

¹ Куприн. А. И. Листригоны. Рассказы, очерки, воспоминания. Симферополь, 1984. С. 110.

² Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 3. М., 1979. С. 248.

³ Шкловский В. Б. Лев Толстой (серия ЖЗЛ). М., 1963. С. 736.

⁴ Выгон М. И. Крымские страницы жизни и творчества Л. Н. Толстого. Симферополь, 1978. С. 148.

⁵ Толстая С. А. Дневники. В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 70.

дневник С. А. Толстой и очерк Куприна «О том, как я видел Толстого на пароходе „Св. Николай“». Однако при этом он не упоминает о противоречиях, которые имеются в указанных источниках относительно названия парохода⁶.

Если сопоставить эти два источника, то предпочтение следует отдать дневнику Софьи Андреевны, потому что запись в нем сделана через два дня после отъезда из Крыма. Воспоминания же Куприна были написаны в 1908 году, то есть спустя шесть лет после происшедших событий, и, естественно, вероятность запомнить название парохода у Александра Ивановича была большей. Тем более что он в очерке ошибочно указывает время встречи — весна 1905 года, хотя в действительности встреча произошла, как уже отмечалось, 25 июня 1902 года.

Итак, предстояло отыскать доказательства, которые бы подтвердили правоту Толстой или Куприна.

Для начала решил просмотреть ялтинские газеты за июнь 1902 года, надеясь, что такое неординарное событие, как отъезд из Ялты известного писателя Л. Н. Толстого, не могло пройти без внимания представителей местной прессы. В то время в городе издавалось две газеты: «Ялтинский листок» и «Крымский курьер». К моему большому сожалению, в газетном фонде ЦНБ АН Украины отыскались только два номера «Ялтинского листка», да и то за 1903 год. Правда, в одном из них я обнаружил расписание движения пароходов, отходящих из Ялты, среди которых значились «Св. Николай», «В. К. Алексей», «В. К. Ксения», «Пушкин» и другие. Эта находка вселяла уверенность, что в своем поиске я нахожусь на верном пути. Однако вопрос «Св. Николай» или «В. К. Алексей» по-прежнему оставался без ответа.

Почти два года понадобилось мне, чтобы наконец-то попасть в Санкт-Петербург, в Российскую национальную библиотеку (бывшая Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина), газетный фонд которой является одним из богатейших в России. Мне всегда нравилось там работать: заказ выполняется в течение пяти-семи минут. Здесь можно найти любую газету дореволюционной России и бывшего Союза.

И вот я на набережной реки Фонтанки... Когда сотрудница библиотеки принесла две подшивки газет «Ялтинский листок» и «Крымский курьер» за 1902 год, сердце мое готово было выскочить. С волнением беру долгожданную подшивку «Ялтинского листка» — в темно-коричневом старинном переплете — в номере за 25 июня (вторник) на последней странице читаю:

ДВИЖЕНИЕ ПАРОХОДОВ
Русского Общества Пар[оходства] и Торг[овли]

В течение недели ОТОЙДУТ следующие пароходы:

в Севастополь, в 9 ч. [асов] утра

22 суббота «Пушкин»

24 понедельник «В. К. Ксения»

25 вторник «В. К. Алексей»

26 среда «Севастополь»

28 пятница «Батум»

29 суббота «Св. Николай» (выделено мною. — В. Ч.)⁷.

Как видим, согласно расписанию, во вторник, 25 июня 1902 года, из Ялты в Севастополь должен был отойти пароход «В. К. Алексей», а «Св. Николай» — в субботу, 29 июня. Следовательно, права оказалась Софья Андреевна Толстая.

⁶ Гусев Н. Н. Летописи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 419.

⁷ Ялтинский листок (Ялта). 1902. 25 июня.

Однако не будем торопиться с выводом. Придирчивый читатель может задать следующий вопрос и будет прав: «А может быть, „В. К. Алексей“ в тот день не вышел в рейс по техническим причинам и его подменил „Св. Николай“?» Ведь жизнь вносит коррективы в любые расписания.

Чтобы развеять последние сомнения, ищу в газетах отклики на отъезд Льва Толстого. В «Ялтинском листке» их не оказалось, а вот в «Крымском курьере» меня ожидала искомая заметка. В номере за 26 июня, в разделе «Хроника», нахожу небольшое сообщение, которое и положило конец моему поиску:

«Вчера, на пароходе русского общества пароходства и торговли „**В. К. Алексей**“ выехал в Севастополь граф Лев Николаевич Толстой. Оттуда маститый писатель по железной дороге отправляется в свое имение Ясную Поляну» (выделено мною. — В. Ч.)⁸.

...Из библиотеки я выходил в приподнятом настроении: установлена еще одна, пусть и небольшая деталь в биографии двух известных русских писателей.

Когда В. А. Данилов встречался с Л. Н. Толстым?

В первых числах июля 1906 года Л. Н. Толстой получил из Санкт-Петербурга от великого князя Н. М. Романова письмо, в котором тот интересовался личностью некоего Данилова, приславшего ему письмо и ссылавшегося на Толстого. «...Что он за личность, — спрашивал Николай Михайлович писателя, и стоит ли ему отвечать»⁹.

В письме от 11 июля Лев Николаевич сообщал великому князю: «...Данилова я совсем не помню. А то, что я его не помню, для меня означает то, что его беседа оставила во мне очень слабое или скорее отрицательное впечатление. И по письму к вам я не думаю, чтобы в его советах могло быть что-либо серьезное.

...Р. С. Сейчас вспомнил Данилова, но то, что я вспомнил о нем, не изменяет моего впечатления. Он — старый человек, много пострадавший и хороший, но мысли у него неясные»¹⁰.

В примечаниях к данному письму, опубликованному в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, приводятся краткие биографические сведения о корреспонденте Н. М. Романова: «Виктор Александрович Данилов (1851—1916), революционер. Начиная с 1874 г., неоднократно привлекался к суду за революционную деятельность. Судился по „Процессу 193“. В 1890—1903 г. жил в ссылке в Якутской области... В последние годы впал в мистицизм. В 1906 г. жил в Петербурге». Далее авторы примечания указывают, что Данилов «посетил Толстого в Ясной Поляне **29 января 1906 г.**» (выделено мною. — В. Ч.). При этом дается ссылка на «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого¹¹.

В дневниковой записи домашнего врача Толстых за 29 января 1906 года читаем: «...Л. Н. через Булыгина посылал Данилову, приехавшему к нему из Нижнеколымска Якутской области, „Великий грех“, „Конец века“, генриджорджевские статьи и говорил о нем, что он поехал в Петербург с проектом о решении земельного вопроса»¹². Сделанный на основании этой записи вывод, что В. А. Данилов посетил

⁸ Крымский курьер (Ялта). 1902. 26 июня.

⁹ Литературное наследство. Т. 38. М., 1938. С. 332.

¹⁰ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбил. изд. М., 1928—1958. Т. 76. С.175—176.

¹¹ Там же. С. 176.

¹² Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 2. М., 1979. С. 34.

Л. Н. Толстого 29 января 1906 года, не верен, так как в действительности встреча бывшего революционера с писателем произошла **3 декабря 1905 года**. Об этом свидетельствуют малоизвестные воспоминания Данилова, хранящиеся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Один из вариантов рукописи имеет название «У Л. Н. Толстого, 1905 г. 3 декабря»¹³.

Прежде чем обратиться к воспоминаниям Данилова, дополним его биографию, чтобы иметь представление о нем как личности.

Родился он в Харькове, в небогатой дворянской семье. Как вспоминал участник революционного движения, писатель В. Г. Богораз-Тан, в жилах Виктора Александровича «была примесь татарской крови, и его высокая сухая фигура, особенно в старости, имела в себе что-то степное, татарское»¹⁴.

После окончания гимназии Данилов поступил в Петербургский земледельческий институт, но полный курс не закончил. В 1871 году уехал за границу, в Цюрих, где продолжал учебу в Политехническом техникуме. Свои политические симпатии в то время молодой радикал, по его собственному признанию, отдавал бакунистам. Усиленно изучал историю русского сектантства и по возвращению в Россию планировал поднять его против самодержавия. Приехав на Кавказ, вел революционную пропаганду среди молокан и духоборов, поддерживал связи с народовольцами. Неоднократно арестовывался, привлекался к суду, находился под гласным надзором полиции.

В январе 1882 года Харьковский военный суд приговорил Данилова за принадлежность к народвольческой организации к четырем годам каторжных работ в крепостях и лишению всех прав. Каторгу он отбывал на Каре. В августе 1886 года совершил побег из Якутской области, добравшись с чужим паспортом до Москвы. Однако там был арестован и снова возвращен к месту ссылки. За участие в бунте заключенных в иркутской тюрьме предан суду и приговорен к 1,5 годам каторги¹⁵.

Среди каторжан и ссыльных Данилов слыл чудачком и оригиналом. Летом и зимой он ходил с расстегнутым воротом рубашки и без шапки, чтобы не снимать ее перед начальством, как этого требовали тюремные порядки. Официальные документы он подписывал: «Социалист Виктор Александрович Данилов», а по прибытии в Якутскую область — «Военнопленный социалист...»¹⁶. В то же время бывший дворянин отказывался читать, слушать и подписывать распоряжения властей репрессивного характера, касающиеся политических ссыльных.

Эти чудачества и оригинальность, по мнению многих, были не рисовкой, а вытекали из его мировоззрения. Один из его товарищей по ссылке М. Поляков писал: «В нем (Данилове. — В. Ч.) своеобразно сочетался мыслитель с метафизическими наклонностями и революционер-позитивист. Метафизические его тенденции выразились в туманной теории «мирового блага», нереальной и обязывающей человека к нравственному закалению (но не в Толстовском смысле), а второе — в непримиримости и протесте. Революционер до мозга костей, с прошлым героическим настроением, он психологически не в состоянии был присоединиться к какой-либо партии и всю свою жизнь оставался самим собой»¹⁷.

¹³ Архив дома Плеханова, РО. Ф. 238 (архив В. А. Данилова), ед. хр. 73. Имеются еще два варианта этой статьи: «Пережитое и переживаемое (Из воспоминаний человека религии-знания). У Льва Николаевича Толстого» (ед. хр.22) и «Встреча с Л. Н. Толстым» (ед. хр. 20).

¹⁴ Тан. Обитатель земного шара // Духовный христианин. 1916. № 1/2. С. 67.

¹⁵ Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь от предшественников декабристов до падения царизма. Вып. 2. Т. 3. М., 1934. С. 1070–1074.

¹⁶ Пекарский Э. Отрывки из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 95.

¹⁷ Поляков М. Образы минувшего // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 303.

После вторичного отбытия каторги Данилов выбрал для поселения уединенное урочище Родчево Верхне-Калымского района, где прожил 14 лет. Деятельный по натуре, он занимался сельским хозяйством, скотоводством, торговлей, помогая местному населению. Результатом его многолетнего общения с якутами стала написанная им работа «Особенности психического мира якутов Колымского округа». Занимался Виктор Александрович и систематическими метеорологическими наблюдениями.

Бывший сотрудник Департамента полиции Л. П. Меньщиков отмечал, что «уже в то время Данилов имел, очевидно, религиозный уклон, т. к. в официальной ведомости ссыльных числился с отметкой „духоборец“»¹⁸. Действительно, когда собеседники спрашивали Данилова, к какой секте он принадлежит, то получали ответ: «Я — духоборец, ибо борюсь духом!»

В середине 90-х годов Данилов создает свое собственное религиозное мировоззрение — религия—знание. Он полагал, что до сих пор религия основывалась на вере, тогда как теперь настало время, когда религия должна основываться на знании. Иными словами, религией должно быть знание или религия есть знание. В 1896 году Виктор Александрович направил заявление министру внутренних дел, в котором просил исключить его из русского гражданства, так как он не признает государственных границ и является «Обитателем Земного Шара».

В 1903 году Данилов переехал в Якутск, где проживал вместе с женой-якуткой и двумя детьми. После окончания срока поселения (1904 год) он отказался получить паспорт и приписаться к сибирскому крестьянству», поставив тем самым местную администрацию в затруднительное положение. После долгих мытарств ему все-таки выдали официальный документ следующего содержания: «Предъявитель сего, именуемый себя Обитатель Земного Шара, Виктор Александрович Данилов, есть именно то лицо, за которое он себя выдает. В чем удостоверяю подписью и приложением казенной печати»¹⁹.

Оставив семью, Данилов уехал в Европейскую Россию с целью примирить враждующие партии. Он побывал за границей, где встречался с находящимися в эмиграции лидерами различных российских партий, выступал с рефератами, «но никто его не слушал»²⁰. Возвратившись в Россию, Виктор Александрович уехал в Харьков, где принимал участие в революционных выступлениях, связанных с событиями Кровавого воскресенья (5 января 1905 года) в Петербурге. Был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме, а после освобождения выслан в административном порядке за пределы Харьковской губернии²¹.

Поездка за границу и события первой русской революции были для бывшего каторжанина холодным отрезвляющим душем, заставившим его переосмыслить многие свои прежние представления о «движущих силах истории». Теперь такой силой он считал трудовое крестьянство во главе с российским самодержавием. В. Г. Богораз-Тан позднее вспоминал, что Данилов в то время «жил мечтой о великом компромиссе политическом и вместе с тем духовном, который примирит враждующие партии, враждующие стороны. От примирения партий он перешел к более широкому примирению старого и нового»²².

Основы нового «трудового строя» Виктор Александрович связывал с домом Романовых во главе «как родом наследственных диктаторов, в наше время необходи-

¹⁸ Меньщиков Л. П. Охрана и революция. Ч. 1. М., 1925. С. 385.

¹⁹ Пекарский Э. Указ. соч. С. 99.

²⁰ Тан. Обитатель земного шара // Биржевые ведомости. 1916. 25 янв.

²¹ Там же.

²² Деятели революционного движения в России. С. 1074.

мых», и предлагал создать крестьянский союз — «союз объединения всех взаимно нужных и взаимно дополняющих друг друга профессий, производств и учреждений»²³. Свое видение «трудового строя» он изложил в «Манифесте народа», который намеревался представить Николаю II.

А теперь возвратимся к воспоминаниям В. А. Данилова. В опубликованных литературных источниках сведения о содержании его беседы с Л. Н. Толстым широкому кругу читателей малоизвестны²⁴, поэтому приведем рассказ В. А. Данилова полностью с незначительными купюрами.

«В 1905 г. в декабре, первого числа, ехал я из Харькова в Петербург, — начинаю свое повествование Данилов, — Чудилось веяние новой жизни. Манифест 17 октября призывал народ выбрать из себя лучших людей, которые помогли-бы, созданному историей, народному вождю управлять обширным монголо-фино-славянским многоплеменным народом.

Загудела русская жизнь. Россия похожа была на улей пчел, собирающийся выпустить новый рой, дать начало новой жизни. Все общественные места, начиная от гимназий, университетов и кончая вагонами железных дорог — стали клубами общественно-политическими, где разбирались и мечтательные и реальные основы будущего строя.

Я ехал в Петербург, чтобы представить на усмотрение государя то, что назревает в русском народе, пока как стихийное бессознательное ощущение и указать, что может быть если политическое воспитание народа попадет в руки разрушителей или людей рабски копирующих общественно-политические западноевропейские формы.

По дороге в вагоне я излагал особенности русского народа, как следствие особенности его исторического развития, говорил о том трудовом строе, который соответствует монголо-фино-славянскому народному типу, говорил не о западноевропейских конституциях, не о конституционном строе, а об организационном, осуществление которого сообразно с задачами XX века осуществится во всем человечестве через пример в России, путем эволюционным, путем мирного развития.

Общая беседа окончилась. Мы подъезжали к Туле. Публика из того отделения где я сидел, разошлась по своим местам. Ко мне подошел господин в енотовой шубе, пригласил в свое отделение. Мы сели. „Я близкий сосед Льва Николаевича Толстого. Он интересуется разными людьми. Мне хотелось бы сделать ему приятное; позвольте предложить вам следующее: на следующей станции я встаю, мои лошади ожидают меня, я живу в двенадцати верстах от станции, недалеко от Льва Николаевича. Завтра мы вместе поедем к нему, а оттуда мои лошади свезут вас на станцию в это же время. И так как вы можете потерять право проезда до Петербурга, то позвольте мне предложить вам билет до Петербурга. Вы потеряете сутки, но доставите и мне и Л. Н. большое удовольствие. Я его очень уважаю и буду рад, если вы согласитесь. Я знаю, как ему будет приятно поговорить с Вами“.

— Я еду в Петербург устроить возможность приема государем депутации от крестьян одного из Харьковских уездов. Я не могу терять время. Но, может быть, Л. Н. окажет мне содействие?...

— Да, я думаю, что он вам поможет в вашем деле. У него есть знакомства...

²³ Тан. Обитатель земного шара // Биржевые ведомости. 1916. 25 янв.

²⁴ Впервые выдержки из воспоминаний В. А. Данилова о встрече с Л. Н. Толстым были опубликованы: Чисников В. Н. «Он — старый человек, много пострадавший и хороший...» (Л. Н. Толстой и В. А. Данилов) // Толстовский сборник-2008. Л. Н. Толстой и русская революция: Материалы XXX Междунар. Толстовских чт. Тула, 2008. С. 214—227.

Подумавши минуту, я согласился. Билет у меня был прямого сообщения и я имел в запасе три дня»²⁵.

Господином в енотовой шубе был Михаил Васильевич Булыгин, бывший гвардейский офицер, владелец хутора Хатунка, близ Ясной Поляны. Он действительно находился в хороших дружеских отношениях с Л. Н. Толстым, был его последователем, корреспондентом и адресатом.

Характеризуя семейство Булыгиных, В. А. Данилов отмечает, что это очень милые и интеллигентные люди, с которыми он скоро сошелся и потом часто заезжал к ним в гости. Они отказались от привилегированной жизни, не едят мясного, не носят кожаной обуви и *«работают для всех даром»*.

Отмечает мемуарист и такую бытовую деталь семейства Булыгиных: *«Купленное в лавках только тогда очищается, когда купивший дарит другому — любовь все очищает. На всяком продукте производства, лежит след эксплуатации и угнетения человека. Этот след как бы смывается тою теплотою чувства, которою обнаруживает дарящий»*.

Описывая время пребывания в семье Булыгиных, В. А. Данилов вспоминает, что они весь остаток дня и вечер провели в обмене мыслями *«на тему, художник ли Лев Николаевич отживающего строя или нарождающейся новой жизни»*. Кроме того, от своих собеседников Виктор Александрович узнал много интересных фактов из личной жизни Л. Н. Толстого, неизвестных широкой публике. При этом он отмечает, что все эти сообщения носили субъективный характер и были окрашены идеализацией личности Льва Николаевича. В частности, касаясь взаимоотношений писателя с женою, В. А. Данилов пишет: *«Все обвиняют Софью Андреевну, но, в сущности, личность Софии Андреевны была щитом, прикрывающим темные стороны в жизни Льва Николаевича. Еще не время обнаружить факты и семейных отношений, подтверждающих это мнение о роли Софии Андреевны в установлении нравственного влияния Л. Н.»*.

На следующий день, то есть 2 декабря, в десять часов утра, Булыгины вместе с В. А. Даниловым выехали на двух санях в Ясную Поляну. Однако в пути их застигла сильная метель, лошади сбились с дороги, и путникам пришлось возвращаться обратно.

Свое пребывание в Ясной Поляне 3 декабря 1905 года и беседы с Львом Николаевичем автор воспоминаний описывает следующим образом:

«На третий день двое саней проехали два столба ворот огромного сада барского поместья и остановились у подъезда двухэтажного дома. Сани выгрузились и мы (я и четыре человека семейства Булыгина: муж, жена и два сына) вошли в прихожую.

Булыгин Михаил Васильевич предупредил меня: „Софья Андреевна соблюдает некоторый этикет. Обыкновенно гости входят в библиотеку, поправят свой костюм, умоются и потом уже идут наверх, и вы не забудьте застегнуть ворот (я хожу с расстегнутым воротом)“.

Нам сказали, что Л. Н. уехал на прогулку, что он делает ежедневно после завтрака. Было около II часов дня. Нас пригласили в библиотеку. Библиотека помещалась внизу.

Мое внимание привлек большой ящик, в котором обыкновенно закупоривают товар (мыло); видно, он недавно привезен был со станции железной дороги. Я спросил:

— Не книги ли это? Мне ответили:

— Это одна из поклонниц Л. Н. прислала ему из Западного края белых грибов, сама собирала... Часто Л. Н. страдает желудком от неумеренного употребления этой тяжелой пищи.

²⁵ ГПБ, Р0. Ф. 238, ед. хр. 73.

Покуда прихорашивались мои хазяева, я осматривал комнату и смотрел в окно на покрытые снегом деревья. Скоро вернулся и Л. Н.

— Это человек семидесятих годов, очень интересный, я привез его вам, — рекомендовал меня Михаил Васильевич — Льву Николаевичу.

— Садитесь, садитесь, — пригласил меня Л. Н. Мы сели друг против друга в кресла.

— Я знал Лазарева²⁶, это тоже человек семидесятих годов

— Я и Лазарев люди хотя и семидесятих годов, но различных темпераментов. Лазарев — человек чувств, увлечений, партийный человек. Я же человек жизни, дела, поэтому прямо говорю вам цель моего к вам приезда. Я вам скажу все, что вы пожелаете знать от меня и надеюсь, что вы поможете мне в одном деле, которое, возможно, облегчит страдание нашей общей родины. Я желаю видиться с государем или, по крайней мере, создать возможность устроить у него прием крестьянских депутатов от Харьковской губернии.

— Что вы ожидаете от государя?

— Я был за границей. Май этого года провел в Женеве, знаю лично деятелей центра партии социал-революционеров, большевиков и меньшевиков, говорил с ними, был несколько раз у бабушки (Брешковской)²⁷, читал доклад у большевиков и С. Р., был у Плеханова²⁸, беседовал с Лениным²⁹ и увидел, что нет ни одной более или менее крупной личности; все или доктринеры, или люди несдержанных чувств. Нет личности, способной познать то, что делается в душе народной и в какие формы общественно-государственных отношений облечь это. Для проведения нового строя нужен диктатор. Таким диктатором может быть только русский государь из дома Романовых.

Лев Николаевич вскочил с места:

— Вы говорите мои слова, мои мысли, — оживлением сияло его лицо.

— В эту ночь, представляете себе, я написал письмо государю и в эту же ночь вы думаете видиться с государем, вот совпадение.

Л. Н. в увлечении...

— Прекрасно, вот и я дам вам письмо. Вы и свезете его государю.

Он сел. Приоткрылась дверь:

— Л. Н., вам пора отдохнуть, — сказал, если не ошибаюсь, доктор.

— Ах, такой интересный разговор и хотят, чтобы мы его прекратили; надо мною делают насилие, — он обратился ко мне:

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, я слушаю. Я сторонник Генриха Джорджа³⁰, а вы как смотрите на земельный вопрос?

— Я смотрю как смотрит народ и как сложились эти отношения исторически; я думаю, что наше правительство, отражая бессознательно, может быть, народную мысль, освобождает от налогов на 10 лет поселенцев на новых землях; этим устанавливает вместо ренты на землю налог, как бы на инвентарь, т. е. на то, на что имеет право государство, как на продукт общественно-государственной жизни.

²⁶ Лазарев Егор Егорович (1855—после 1938) — участник революционного движения; знакомый, корреспондент и адресат Л. Н. Толстого.

²⁷ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — лидер партии эсеров; в 1903—1905 годах находилась в эмиграции.

²⁸ Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — один из создателей Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП); с октября 1903 года поддерживал меньшевиков.

²⁹ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — лидер партии большевиков.

³⁰ Джордж Генри (1839—1897) — американский публицист и экономист, основатель учения о едином налоге на землю.

Мы еще говорили о частностях нашего движения. Л. Н. несколько раз вскакивал с места, ходил по комнате и одушевленно повторял:

— Вы говорите мои мысли, мои слова.

Опять напомнили Л. Н., что ему нужно отдыхать.

— Видите, — шутливо сказал Л. Н., — надо мною делают насилия.

— Ну, Л. Н., теперь уже и я буду делать над вами насилие, отказываюсь продолжать разговор, идите отдыхайте, — пошутил и я в свою очередь.

Л. Н. ушел отдыхать».

Комментируя эту часть воспоминаний, отметим, что письмо Л. Н. Толстого к царю, о котором упоминает В. А. Данилов, Лев Николаевич начал писать осенью 1905 года. Первоначально оно было озаглавлено «Царю и его помощникам» и окончено не было. Впоследствии его фрагменты вошли в статью «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1906 год). Д. П. Маковицкий 1 декабря 1905 года записал в дневнике: «...Л. Н. в своем кабинете читал письмо к царю, которое сегодня в один день продиктовал Александре Львовне. Советует ему опередить требования интеллигенции, сделать радость справедливости, освободить землю; этим успокоит умы (спасете от кровопролития и диктатуры), привлечет к себе лучших из интеллигенции, из помещиков и 100-миллионный народ. Пусть провозгласит, путем опубликования манифеста, что земля принадлежит всему населению, и пусть созовет в каждом уезде комитеты из интеллигенции и народа, которые разработают этот вопрос»³¹.

Следует также уточнить, что предположение В. А. Данилова о том, что во время их бесед в доме Толстых присутствовал доктор Д. П. Маковицкий, неверно. Последний не мог находиться 3 декабря в Ясной Поляне, так как днем раньше уехал в Словакию и возвратился только 31 декабря. Свидетельство тому — отсутствие записей в дневнике доктора за 2—30 декабря 1905 года³².

Далее В. А. Данилов пишет:

«Нас пригласили наверх, в зал. Нам предложили чай. Там были: Софья Андреевна, две дочери, Мария и Александра Львовны, домашний доктор и еще какой-то незнакомый. Разговор зашел о значении религии в жизни человечества. Доктор предложил мне вопрос:

— Как вы относитесь к религии?

— Я человек религии — знания.

— Что это значит? — спросил доктор.

— Религия — знания ищет объективного основания всех религиозных ощущений, чувствований, понятий, верований, представлений.

Потом я начал излагать объективные основания религии и субъективные ее возникновения.

Отворилась дверь и вошел Лев Николаевич.

— Ах! Вы без меня начали такой интересный разговор, я не могу заснуть, я так заинтересован вашим разговором.

— Мы только что начали.

Он поставил стул против меня и приготовился слушать.

— В наш век религия должна ответить на четыре вопроса: первые два — о происхождении, вторые два — об обязанностях, вытекающих из факта происхождения, — о поведении.

— А для меня один, мое отношение к Высшему Существо.

³¹ Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 1. М., 1979. С. 480—481.

³² Там же.

— В детстве народов, в его эпосе так и было, но уже в религии иудейской в десяти заповедях ответ на два вопроса: № 1. Отношение к Богу; № 2. Отношение к людям.

— С этим я могу еще согласиться. С развитием мыслей человека, какого она достигла в наш век, прибавляется еще два вопроса о происхождении: 1. Организмом своим человек происходит от мира жизни; 2. Духовных (Я) от общества людей, откуда и вытекает два ряда различных обязанностей один ряд к миру жизни, другой — к обществу людей.

— У меня только один ряд и к миру жизни и к обществу людей — одинаков.

Лев Николаевич взял стул и сел в сторону. Продолжая свою мысль, я окончил:

— По отношению к миру жизни мы должны употреблять насилия, избегая страданий. Факт насилия, по отношению к миру жизни, — непереносимое условие развития. В обществе людей насилие — временное допущение, для устранения насильников.

Предложили садиться за стол. Принесли обед. Мы, приехавшие, от обеда отказались.

В белых перчатках, в черном фраке подал Льву Николаевичу его особенное блюдо официант. Дамы были одеты в черном. Л. Н. — в широкой простой блузе, поверх рубашки. Его немного тучный стан слегка обхватывает пояс, на ногах была обувь из сукна.

После обеда Л. Н. и доктор сели за шахматы. Я подошел к шахматному столику.

— А вы играете в шахматы?

— Когда-то в юности играл, теперь мысль моя так занята теми серыми вопросами, которые назрели в народе, что нет места в моей голове для шахмат.

— А вот мы играем.

Здесь в зале голос Л. Н. был мягким, слабым. Жизнь Льва Николаевича была строго распределена. После шахмат полагалась домашняя беседа с посетителями, если они есть.

Все сели кругом. Что-нибудь вспоминали, если не было нового факта. Лев Николаевич благодарил каждого говорившего. Что именно говорили, боюсь передать, ибо мысль моя была далеко от мелочей дня. Домашняя беседа окончена.

— Я хочу поговорить с вами наедине, — сказал Л. Н., положи мне руку на плечо. Мы с ним вошли в его комнату. Кровать, большой письменный стол, два-три стула, несколько ящиков, маленький стол, около него два кресла; на одно сел Л. Н., другое предложил мне.

— Вы читали мою исповедь? — обратился он ко мне.

— Исповедь я не читал, но знаком с вашим взглядом и с вашей биографией.

— Для вас мир жизни и общество людей предписывает поведение, для меня — Высшее Существо, — закончил он свою речь. — А вы как думаете о Высшем Существо?

— А где помещается Высшее Существо? — ответил я вопросом, боясь противоречить, чувствуя, что он не исполнит свое обещание и не даст мне письма государю, если мои взгляды разойдутся с его.

— Высшее Существо в моем сознании, — и он смотрел мне в глаза и ждал ответа.

— Сознание всякого человека развивается с развитием человека. Лев Николаевич встал с места.

— Нет, нет, оно не развивается, оно дано свыше; да вы — материалист. Мое сознание было в детстве ясно, потом замутилось..., теперь опять стало ясным. Ваши же взгляды так туманны, неясны, не определены.

Успокоивши себя этой репликой, Л. Н. сел.

— Да, да, — спокойно уже говорил он, — мое сознание предписывает мое поведение, так же как вам ваше, — и он устремил на меня выжидательный взгляд. Нужно было говорить.

— Я, Лев Николаевич, не верю ни в силу, ни в материю, ни в закон. Я ощущаю первую пронику, живу этим ощущением, живу своим сознанием, как вы, но в основе

моего сознания есть факт объективного существования: мира и общества людей. В этом я не могу, и ни кто не может сомневаться. Ну, а что будет, если человек усомнится в существовании Высшего Существа, в его сознании, ведь тогда все дозволено.

Лев Николаевич опять встал и начал ходить по комнате в волнении.

— *Мое сознание — несомненный факт. Нет ни прошлого, нет ни будущего, есть только одно настоящее. Это настоящее — факт моего сознания. Как это ясно, как это ясно.*

Выло уже темно. Кончался уже короткий зимний день. Лев Николаевич зажег две свечи на круглом столике. Позвал Марию Львовну:

— *Принеси, пожалуйста, письмо к царю, что я дал тебе переписать. Я его вот ему прочитаю, — указал он на меня.*

Письмо принесли. В приоткрытую дверь высунулась голова с заискивающим вопросом:

— *Можно и нам присутствовать?*

— *Пожалуйста, пожалуйста, — пригласил Л. Н. тихим ласковым голосом.*

Кабинет Льва Николаевича наполнился. Кто сел на стул, кто на ящик. Письмо это начиналось: „Опомнитесь, опомнитесь, опомнитесь...“ По прочтении письма Лев Николаевич обратился к доктору:

— *Как вам письмо?*

— *Мне кажется, что эпизод с социалисткой-революционеркой можно было бы опустить, — заметил доктор.*

— *А ваше мнение? — обратился он ко мне.*

— *Я думаю, что вообще не следует вводными эпизодами отвлекать внимание от центральной мысли.*

— *А мне этот эпизод казался так красив, что я его не могу не поместить, — как бы оправдываясь сказал Лев Николаевич.*

Встал Лев Николаевич, и все встали.

— *Если бы вы могли подождать? — обратился он ко мне. — Я бы исправил письмо и дал бы вам.*

В тоне было слышно желание, чтобы я не мог ждать.

— *Нет, я ждать не могу.*

Удовольствие выразилось на лице Льва Николаевича.

— *В нашем разговоре вы упоминали об одном лице высокопоставленном, говоря, о его письме к вам в таких выражениях: „Что может быть общего между мною и им?“ Не можете ли вы дать мне рекомендацию к этому лицу? Я человек не обращающий внимания ни на государственных людей, ни на мундиры; стараюсь проникнуть в душу человека и найти созвучие в общих чувствах и в общих стремлениях.*

Лев Николаевич показал вид, что не слышит или не понимает моей просьбы.

Было одиннадцать часов ночи, когда лошади М. В. Булыгина везли меня на станцию Засека. Все же время не было потеряно даром. Я узнал новых людей и, может быть, приобрел новых друзей.

— *Мне жаль, что я так сурово обошелся с Даниловым, — говорил Лев Николаевич Михаилу Васильевичу Булыгину»³³.*

Как же сложилась дальнейшая судьба В. А. Данилова после отъезда из Ясной Поляны?

Приехав в Петербург, он предпринял все усилия, чтобы получить аудиенцию у Николая II, направляя письма «сильным мира сего». Одно из них, со ссылкой на Л. Н. Толстого, получил, как мы знаем, и великий князь Николай Михайлович Романов, В конце концов новоявленному реформатору удалось добиться приема у това-

³³ ГПБ. Р0. Ф. 238, ед. хр. 73.

рища министра внутренних дел А. А. Макарова, с которым он вел продолжительные беседы по вопросам государственного переустройства и которому направлял свои записки об изменении существующих порядков. Добился Виктор Александрович и чести представиться императору, но вынужден был «наотрез отказаться, когда ему поставили условием, что должен будет явиться в шюртучной паре»³⁴.

Дело в том, что В. А. Данилов и в столице оставался верен себе: ходил всегда без головного убора, с расстегнутым воротом рубахи. Его страннический костюм напоминал что-то среднее между халатом и поповским подрясником. Зимой он носил широкое пальто из крестьянского сукна. На ногах красовались выдавшие виды башмаки и голенища от валенок, в виде гетр. На руках — муфта из ваты. Дополняли оригинальный наряд сторонника «трудовой монархии» два холщовых мешка, висевших на спине и груди, в которых он носил бумагу, чернила, начатую рукопись, завтрак, продукты из лавки... Кстати, питался он только кипятком, в который клал немного соли, корочку хлеба и молока³⁵.

Обосновавшись в Петербурге, В. А. Данилов вскоре стал своеобразной достопримечательностью столицы. Его пилигримская одежда заставляла оглядываться не только прохожих, но и обращать на него внимание околоточных, особенно когда он появлялся на Невском, идя непременно посередине проспекта. Его нередко задерживали столичные полицейские и отправляли в участок, требуя объяснения столь странного поведения.

Кроме проектов государственного переустройства, Данилов не оставлял мысли создать в Петербурге общество последователей его нового вероучения-религии-знания. С этой целью он разработал устав общества и утвердил его у столичного градоначальника. Основные положения новой веры излагались даже на его визитных карточках, которые имели непривычно большой формат. На лицевой стороне визитки значилось:

Обитатель земного шара,
Ученик Иисуса из Назарета, Христа Спасителя мира,
Человек религии-знания,
Виктор Александрович Данилов,
В условиях русской многоплеменной жизни,
Сторонник трудовой монархии.

На обратной стороне:

Мы мир победим не силою черносотенной корысти, не партийными разъединениями и враждою, не мраком невежества и злодеяний, мы победим мир любовью, не знающей корысти и страха³⁶.

Для пропаганды своих идей Виктор Александрович устраивал собрания, на которых выступал с докладами и где велись дискуссии между его немногочисленными сторонниками. На наем помещения для собраний он тратил те небольшие сбережения, которые у него оставались от заработка у духоборов, к которым он ездил каждое лето и у которых учил детей. Членский взнос участника будущего общества составлял всего один рубль. Однако все усилия «сторонника трудовой монархии»

³⁴ Пекарский Э. Указ. соч. С. 98.

³⁵ Там же. С. 97.

³⁶ Тан. Указ. соч. // Биржевые ведомости. 1916. 25 янв.

по созданию духовного общества, как и его попытки государственного переустройства, потерпели крах.

Необходимо сказать, что Данилов продолжительное время сотрудничал в журнале «Духовный христианин». Он постоянно посещал собрания религиозно-философского общества и заседания отделения этнографии Русского географического общества, где выступал с научными докладами. Некоторые из них печатались в журнале «Живая старина», а его воспоминания о харьковских народовольцах и побеге из сибирской ссылки публиковались на страницах журнала «Былое» (1907, № 8, 10).

Накануне нового 1916 года Данилов тяжело заболел. От платного места в частной больнице он отказался, и его поместили в Марьинскую больницу, в палату для бедных. В своем предсмертном завещании основоположник религии-знания писал, чтобы над его телом не исполняли никаких обрядов, а само тело передали в Военно-медицинскую академию, чтобы «его телесная оболочка послужила для пользы знания»³⁷. 17 января 1916 года Виктор Александрович Данилов умер. Его смерть не осталась незамеченной. Некоторые столичные журналы и газеты поместили некрологи и статьи, посвященные его памяти. Заголовки статей говорили о неординарности личности умершего: «Современный Диоген», «Человек без шапки», «Обитатель Земного Шара».

Таким образом, основываясь на воспоминаниях В. А. Данилова и дневниковых записях Д. П. Маковицкого, имеются все основания утверждать, что встреча и беседа Л. Н. Толстого с В. А. Даниловым произошла в Ясной Поляне 3 декабря 1905 года, а не 29 января 1906 года, как утверждалось ранее толстовцами.